

Показаньева Инна Владимировна

ОБРАЗНЫЙ МИР НЕБЫТИЯ В ТРАВЕЛОГЕ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ "ЭЙМИ" Э. Э. КАММИНГСА

В статье рассматривается созданный в "ЭЙМИ" Э. Э. Каммингом образный мир России в контексте социально-политических и культурных взаимоотношений России и США в первой половине XX века. Особенное внимание уделяется выявлению и анализу образов смерти и небытия как отсутствия признака, которые преобладают в травелоге ввиду антисоветских настроений автора. Актуальность исследования определена общей малоизученностью "ЭЙМИ" Э. Э. Камминга в российском и зарубежном литературоведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 149-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 800

Филологические науки

В статье рассматривается созданный в «ЭЙМИ» Э. Э. Каммингсом образный мир России в контексте социально-политических и культурных взаимоотношений России и США в первой половине XX века. Особое внимание уделяется выявлению и анализу образов смерти и небытия как отсутствия признака, которые преобладают в травелоге ввиду антисоветских настроений автора. Актуальность исследования определена общей малоизученностью «ЭЙМИ» Э. Э. Каммингса в российском и зарубежном литературоведении.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; травелог; художественный образ; образный мир; Россия; США.

Показаньева Инна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

inna_pokazanyeva@yahoo.com

**ОБРАЗНЫЙ МИР НЕБЫТИЯ В ТРАВЕЛОГЕ
О СОВЕТСКОЙ РОССИИ «ЭЙМИ» Э. Э. КАММИНГСА©**

Количество произведений о путешествиях в Россию значительно увеличилось в первой половине XX века, что характеризует возросший интерес иностранных писателей, дипломатов и историков к России. В статье рассматривается созданный в «ЭЙМИ» Э. Э. Каммингсом образный мир России. Актуальность статьи связана с малоизученностью творчества Э. Э. Каммингса как в российском, так и в мировом литературоведении. В частности роману-травелогу «ЭЙМИ» уделено недостаточное внимание, произведение не изучено в полной мере: впервые попытка перевода произведения с английского на русский язык была предпринята 2013 году в книге «Приключения нетоварища Кемминкса в Стране Советов: Э. Э. Каммингс и Россия» [2]. Данная статья направлена на преодоление литературного пробела, в котором находится роман-травелог «ЭЙМИ». Также предпринятая попытка изучения данного американского произведения обладает научной актуальностью, поскольку поможет обнаружить корни культурного непонимания и формирования отчужденности в российско-американских отношениях. Исследование представляется нам особенно интересным в свете сложных современных социополитических отношений двух стран.

Отношения между Россией и США были сложными на протяжении всего XX столетия. Дипломатические отношения между странами были прекращены вскоре после «Октябрьской революции», когда американское правительство решило воздержаться от признания СССР из-за отказа большевиков погасить долг США, оставшийся от времен царского правительства. Начиная с 20-х гг. растущая политическая и экономическая мощь Советского Союза, «красная» угроза коммунизма, стала причиной для беспокойства США. Правительство Вудро Вильсона сохраняло политику непризнания Советского Союза даже несмотря на плотные экономические отношения между странами в 20-е гг. В 1933 году президентом США становится Р. Франклин, которому симпатизировал И. В. Сталин, и вскоре между странами наконец устанавливаются дипломатические отношения. Франклин надеялся, что признание Советского Союза благоприятно скажется на стратегических интересах Америки: во-первых, ограничит японскую экспансию в азиатском регионе, во-вторых, поможет восстанавливающейся американской экономике в пост-депресссионное время [13].

В этих политических условиях американский поэт-авангардист Эдвард Эстлин Каммингс поехал в Советский Союз – ему, неудовлетворенному противоречивыми отзывами о Советском Союзе, было любопытно познакомиться с СССР самостоятельно, увидеть реализацию социалистической идеи своими глазами. Будучи юношей, Каммингс проникся симпатией к большевизму, о чем нередко спорил со своим отцом: в своих письмах родителям 1918-1920 гг. он с воодушевлением писал о русской революции [2].

Перед отъездом в Советскую Россию весной 1931 года Каммингс провел некоторое время в Париже, где социалистические идеи вызвали любопытство и восхищение. К 30-м гг. XX века многие современники Каммингса надеялись на коммунистическое обновление мира, стартовавшее с далекой России. На его собственной родине по-прежнему боролись с последствиями Великой депрессии, поэтому выполняющийся в СССР эксперимент по созданию коммунизма виделся чуть ли не панацеей от капиталистической болезни с ее культом денег и собственности. Так, Бернард Шоу заметил: «Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели» [1]. Многие представители интеллектуальной зарубежной элиты из интереса посетили Россию в 20-30-х гг. XX века, среди которых Герберт Уэллс, Теодор Драйзер, Джон Рид, Бернард Шоу, Вальтер Беньямин, Андре Жид и другие.

«ЭЙМИ» (англ. «EIMI», от греч. «Я есть») – это роман-травелог о путешествии Э. Э. Каммингса по трем советским городам – Москве, Киеву и Одессе – в период с 14 мая по 14 июня 1931 года. Идеей книги является развенчание идеалистических представлений о Советском Союзе, а также порицание отсутствия индивидуальной и творческой свободы в стране. Каммингс организует «ЭЙМИ» по образцу «Божественной комедии» Данте, где Советский союз, или Немир, как он его называет, уподобляется аду, а забальзамированное тело Ленина – дьяволу.

Проза Каммингса затрудняет понимание того, что на самом деле автор видит в путешествии. Юджин Лайонс, бывший корреспондент «Юнайтед Пресс», который провел несколько лет в Москве в 1920-х гг., писал об «ЭЙМИ»: «То, что я понял из этой книги, было так хорошо и так пронзительно, что я бы искренне желал, чтобы она не была писана ребусами вместо слов» [12, р. 418]. «Дневник Каммингса отличается от всех известных путевых заметок своим экспериментальным стилем, скрещенным с иронией. Особенность книги в том, что ее можно прочитать и абсолютно не понять, о чем она», – замечает Эмили Райт [3]. В обзоре травелога в журнале «Поэзия» 1933 года Марианна Мур назвала «ЭЙМИ» «большим стихотворением», написанным в демонстративно-техническом стиле пингвиноподобным Данте [12]. Норман Фридман писал: «Поскольку в центре внимания не то, что действительно происходит, а, скорее, то, как это видится путешественнику, книга предстает неполной и импрессионистически размытой». Для критика «ЭЙМИ» явилась «нацарапанными на коленке иероглифами», где «ни один инцидент не был проанализирован; ни одна ситуация не была развита и объяснена» [9, р. 89].

В своей прозе, как и в поэзии, Каммингс экспериментирует с синтаксисом и порядком слов в предложениях. Стил Каммингса отражает то беспокойство, которое он привозит в страну, а также замешательство, вызванное столкновением с реальной советской жизнью. Он использует нестандартную разбивку текста, пробелы, разрывы, чтобы вызвать у читателей чувство напряженности, страха, отвращения, подобные собственным чувствам иностранца в Советском Союзе. В его повествовании эксцентричное и свободное духом «я» и «мне» сталкивается с безрадостным «не-» теорий и формул советского государства [5].

«Контраст» в изображении действительности является жанрообразующим признаком травелога, в его основе лежит принцип противоположности. Антитеза становится ключевым структурным элементом: «ЭЙМИ» открывается глаголом «SHUT» (англ. «закрыть») и закрывается глаголом «OPENS» (англ. «открывается»). Духоте и закрытости жизни в России противостоят свобода и открытость Запада (рай Парижа, в который устремляется герой Каммингса в конце книги).

Глаголы очень важны для Каммингса, вероятно поэтому он назвал травелог «ЭЙМИ» (греч. «Я есть») по принципу контраста с всеобщим небытием в Немире [14]. Другой важный для Каммингса глагол открывает книгу – «ЗАКРЫТО». Закрытость станет лейтмотивом всего путешествия, Каммингс поймет, как закрыто все в Советском Союзе, что он предвидит на первой странице: «Закрыть – вот, кажется, ключевое Слово» [2]. Из-за общей закрытости острое чувство клаустрофобии охватывает Каммингса в вагоне поезда. Эта закрытость становится одной из главных характеристик советской жизни: так, в вагоне поезда Каммингс наблюдает несколько ее элементов: знак «Закрыть» на окне, закрыта дверь, закрыта полка, закрыт даже обед. Здесь мы наблюдаем ряд «загробных» метафор:

«... а обед был **поЗакрытее кладбища**: 4 отдельных **мертвеца** в одной несвоейтарелке: и ни одного **призрака общения**. Тяжеловатая жрачка; поскольку (вчера утром, **Заперт в бездыханной коробке** с ворчащей куклой) бочком протиснулся в Германию (но та ведрящаяся **могила в горизонтальном положении** была менее **Закрытой**, чем пустеющая прямоугольность, называющая себя “essen” (нем. “еда”))»¹ [2].

Обратим внимание на метафору «**ведрящаяся могила в горизонтальном положении**» – Каммингс ехал в поезде на верхней полке, он лежал перпендикулярно направлению движения поезда, в «**горизонтальном положении**» «**бочком**». Это положение напоминало ему гроб и заставляло думать о неестественности характера такого движения. Таким образом, даже его спящее тело будто противилось приближению к России.

Еще даже не въехав в «ад» Советской России, Каммингс уже наблюдает его приметы: спертый воздух, заборы, заборы, шлагбаумы, запреты на передвижение и разговоры [4]. В 11 часов таможенник заходит в купе для проверки, на что Каммингс реагирует: «**Это уже *Смрад* или *всего лишь Польша?*» [Там же]. Въезжая в N (аллюзия к селу Негорелое – нарицательному названию типичного русского села, фигурирующему во многих произведениях русских авторов), Каммингс пересекает границу «a land of Was» – «*недочеловеческого коммунистического государства, где мужчины – тени, а женщины – немужчины; доиндивидуального марксистского Немира*», где «*всюду хлам; везде грязь и потрескавшиеся ногти*». Также при въезде в Немир время перестает существовать: «*Время зевает... Время вздыхает... Время засыпает*»² [Там же].**

Подобно Данте в «Божественной комедии», которого ведет Вергилий, Каммингс получает своего проводника в Немире – старого знакомого по Гарвардскому университету, Генри Уодсворта Лонгфелло Дана, американского ученого, журналиста и убежденного коммуниста. Он же впоследствии будет именоваться как *ментор*, *Г-н Сочинитель*, *благодетель из благодетелей*, *Дантовский проводник*, *Сивилла*, *сама доброта*, *чп (человек покойный)*, *3-й добрый мальчик из Кембриджа*, *наш ангел-хранитель и регистратор*. Однако Каммингс вскоре бросит своего Вергилия в пользу новых компаньонов, после чего сравнит Дану с рядовым членом советской толпы, называя его «*ходячим труном*» [14]. Его новые проводники – Беатриче и Турок. Беатриче, или Турчанка, или Гареме, или «нервный ангел» – это Джоан Лондон Малумут, дочь писателя Джека Лондона, проживающая в Москве. Каммингс отмечает, что она «*самая красивая из женщин, которую он никак не ожидал увидеть в этом Марксленде*» [2]. Каммингс иронизирует над тем, что смог найти ангелоподобную Беатриче в Адской России. Ее муж, ученый-русист и журналист «Юнайтед Пресс» Чарльз Маламут представлен в травелоге как Турок, или Ассириянин, или «буржуйское лицо», или Чарли.

¹ Перевод с англ. по «Приключения нетоварища Кеммингса в Стране Советов: Э. Э. Каммингс и Россия» / сост., вступит. ст., перевод с англ. и комментарии В. Фещенко и Э. Райт; науч. ред. А. А. Россомахин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 256 с.

² В статье приведены как переведенные на русский язык отрывки из «ЭЙМИ» (по «Приключения нетоварища Кеммингса в Стране Советов: Э. Э. Каммингс и Россия». СПб., 2013), так и авторский перевод непереваданных отрывков оригинального текста (по «Cummins E. E. EIMI: A Journey Through Soviet Russia. Fourth edition». New York, 2007).

Вергилий берет Каммингса на прогулку по городу, где он видит «Л^тский М» – «*строгую пирамидальную композицию из блоков*» и «*архитектурный эквивалент “бу”, т.е. мавзолее Ленина*». В первый визит Красной площади Каммингс не попадает внутрь Мавзолея. Зато он имеет время насладиться красотой того, что находится рядом с ним, – «*что-то сказочное – буйство скрученных соцветий*» и «*сумасшедшая вещьобразная греза, торжественно зазывающая из пространства-времени*» [Там же]. Собор Василия Блаженного создает контраст упорядоченным и безликим улицам Москвы и Мавзолею Ленина. Это едва ли не единственное явление советской жизни, описанное с помощью метафор из мира живых, из «*пространства-времени*».

Через некоторое время Каммингс предпринимает вторую попытку попасть в Мавзолей Ленина, во «*вход в бесконечность*». Он обращает внимание на лица в очереди, Каммингс рисует советских людей в анималистическом стиле, превращая руки в плавники и когти, а ноги в копыта:

лицолицолицолицо

рука-

плавник-

клевня

нога-

копыто

(tovarisch)

,и к числу бесчисленности (не

-улыбаясь)

с грязи грязью грязные грязнее с других грязью с грязью самих себя грязнейшие ждутстоят грязно безулыбок шаркаютшевелият грязные стопостанавливаются

Безулыбчиво [Там же].

Он описывает толпу как *грязную, ссутулившуюся в своей «мертвороже»* [Там же]. Эта толпа является апофеозом неиндивидуальности, здесь нет людей, только «*бесчисленное – ежепохожее лицолицолицо*» (numberlessly – eachotherish facefacefaceface) – это не люди, а бесчисленность. Каммингс придумал метафоры отсутствия для описания советского общества: так, в произведении встречается много авторских неологизмов с приставками *ип-, поп-,* суффиксом *-less*, а в русском переводе – с помощью приставок *не- и без-,* суффиксов *-ость, -есть.* Чем больше Каммингс смотрит на людей, тем меньше он видит в них различия. Чем ближе он продвигается к вождю, тем больше убеждается, что толпа приближается не просто к могиле Ленина.

к

Гробнице

Склепу

Усыпальнице

Могиле.

Той самой могиле.

К той самой (могиле).

Все туда, к могиле) его самого ее самой (все к могиле самих себя) все к могиле Себя [Там же].

Поклоняясь коллективной философии мертвеца, русские в глазах Каммингса сами превращаются в покойников, отказываясь от собственной индивидуальности. Продвигаясь к Ленину, они приближаются к неизбежной могиле, символу смерти [15]. Таким образом, весь Мавзолей – это еще один символ Небытия, Нежизни, Смерти.

По мере приближения к телу Ленина, язык повествования в травелогике становится еще более рубленым, отражая нервную обстановку, и затем он, наконец, видит:

лежит (tovarisch-по-пояс

*бессильно затворенная правая **клевня***

*левый-**плавник** незатворен обессиленно*

и маленькая-не-напряженная головка и лицо-без-морщин и рыжеватая борода) [2].

Каммингс сравнивает забальзамированное тело Ленина с восковой фигурой. Однако он замечает, что видел и «лучших богов и более странных, более великих глубоких кукол; повсюду и везде и, может, в Америке и (может даже) в Кони-Айленде...», а этот – «этот какой-то глупый нецарь царства НЕ-, какой-то банальный идол, царствующий в гнилье» [Там же]. Таким образом, тело Ленина для Каммингса – это еще и бутафория, подражание Жизни, которой место только в музее восковых фигур где-нибудь в Кони-Айленде. Каммингс поражен, каким вниманием окружено тело мертвеца:

Эта «*ничтожность* не должна будоражить и не должна убаюкивать и просто должна говорить –

Я смертен. Вы – тоже. Привет».

«*Определенно, оно не из плоти*» [Там же], – делает вывод Каммингс. В конце книги он вспоминает о нем как о «*грязном большом младенце*». Дэвид Фарли пишет, что тело Ленина функционирует как фокус советской идеологии для государства и как символ или спектакль смерти для всего индивидуального [8]. После посещения Мавзолея Каммингс становится более чем когда-либо убежденным в тщетности, *ничтожности* идеи коммунизма.

Каммингс любил цирк, атмосферу смеха и праздника, но в советском цирке его ждало разочарование. «*Ужасающая доза пропаганды*» представлена на сцене «*бравым*» Советским матросом, или Товарищем Порядком, и «*нечестивой распутной эмигранткой*» Мадмуазель Побон. «*Гнуснейшая потаскуха*» выдвигает немыслимые возражения против пятилетнего плана Сталина и обращает внимание на современное состояние России:

«блудница (цинично пожимая плечами): **На вас нет портков!** – герой (дико хорохорясь): **Нет, но у нас будут;** и когда будут, весь мир испугается! (Входят преумеренные, протокольные аплодисменты)» [2].

Таким образом, в стране без времени население живет надеждой на светлое будущее, когда *весь мир испугается их* мощи.

Каммингс характеризует цирк как «крайне загашенный, крайне изморенный (некоторые из собачьих персонажей, видимо, встречались с товарищем Павловым)» [Там же]. Советский цирк представляется автору как довольно жалкое зрелище:

безжизненно тут пресмыкался тут запинался в более или наиболее инфантильных и в целом мучительных <...> бестрюках <...> таких как:

оторопелая колли выдает патриотические предложения из деревянных слов

побитая молью лисица и такой же петух едят из одной тарелки

заплесневелая кошка, с заржавелой крысой на спине, пошатывающаяся между препятствиями бесчисленными

оцененный гепард (поднявший красный флаг, лапой вращая барабан) палит из игрушечной пушки

2 раздутых крепостных барсука – напоминают еще довольно симпатичных клопов <...> кувыркаются [Там же].

В финале представления «*таинственно радостный*» слон дирижирует звериным оркестром палочкой, изображая «*ВСЬ ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ*», после чего его, к всеобщей радости, вынуждают шагать на трех ногах: **Капитализм хромает! понимаешь? вот и хорошо** [Там же]!

В заключительном акте сам руководитель театра зверей Владимир Дуров объезжает арену на «особо ратерзанных собаках» и «сквозь шатающиеся усики на может быть тебя или возможно меня ухмыляется; и неоспоримо **товарищ Смерть**». Цирк не понравился Каммингсу, он заключает, цирк Дурова без сомнения представляет собой все, что Лэк Данджон «бесстрашно раскрыл» (под именем Лэка Данджона Каммингсом зашифрован Джэк Лондон).

Искусство для Каммингса намного важнее, чем политика и экономика. Каммингс путешествует по России с возрастающим чувством отвращения к советским идеалам из-за отсутствия «индивидуального» начала в советской жизни. Каммингс воплотил эти мысли в монологе Чарли: **Трагедия жизни всегда была** («добавил тихо») *есть не в том, что одни люди бедны, а другие богаты, одни голодны и другие не голодны, одни слабы и другие сильны. Трагедия в том, и всегда будет в том, что большинство людей не в состоянии выразить себя* [Там же]. Такого рода трагедия для Каммингса невыносима.

Так, молодой скрипач в «ЭЙМИ» «*пока безвоздух и тут крохотно дрожит форзицеподобными цыганомелодиями*» [Там же]. Занятие литературой даже опасно; еще на поезде, движущемся в Россию, Каммингс беседует с «усатым» (mustachios), который воевал с большевиками на стороне белых, после чего добавляет: *Я всецело с ними, но литературный труд... опасен (I'm all through with ,em;but writing's... dangerous)* [Там же]. Также Каммингс посещает Музей нового западного искусства в Москве, где он снова «*чувствует*»: **Я («чувствую» = слово) вдруг, почему советская социалистическая Россия совершила паломничество в Есть**. Таким образом, страна соцреализма содержит настоящее искусство из мира Бытия. К тому времени, когда Каммингс покидает СССР, он увидел достаточно, чтобы получить представление о коллективном духе и социальном заказе в области искусства: его гнетет это серое типовое искусство, которое воспроизводится по данному «сверху» образцу.

Ричард Кеннеди пишет о нечеловеческих элементах системы, которые были отвратительны Каммингсу: Советская Россия, изображенная в «ЭЙМИ», полностью отрицает философию «Is» (от англ. бытия) Каммингса, по которой люди должны жить, чтобы выражать свою индивидуальность – быть «живыми»; ценить чувства, рост, разнообразие, постоянное перерождение; стремиться к счастью; лелеять свободу; радоваться удовольствиям; дарить и отвечать на любовь. Каммингс чувствовал, что советская система вытягивала жизнь из своих людей. Повсюду в Москве он чувствовал «нежизнь» и «несмерть». Он нашел страх, вину и удрученную одиноковость; какое-чность (whichness) и что-сность (whatness) вместо кто-сности (whoness); отсутствие смеха; подозрение к удовольствиям («в России отдых всех и каждого организован») и принужденность поведения [10].

В течение всего времени, что Каммингс жил с Беатриче и Турком, последний высказывал многие идеи, которые Каммингс находил убедительными: «<...> *они русские. Вы понимаете? Русские. Все они находятся внутри коммунизма; не вне его, как Вы. Все они на самом деле живут (или, скорее, умирают) в беспрецедентном эксперименте, не только аналитически наблюдают; гораздо меньше мечтают об этом сентиментальным разумом... Русские в России должны страдать и быть заткнутыми*» [2]. Маламут прекрасно понимал жестокость сталинского режима, в то время как в начале 1930-х многие представители интеллигенции, по крайней мере на Западе, все еще идеализировали социалистическую систему. Каммингс же не нашел в России ни удовлетворения, ни тем более описанного в трудах современников рая.

Каммингс, или же, как он сам себя нарекает, *peesahtel i hoodozhnik*, беседует сам с собой об отъезде из ада, сам не веря в удачный исход мероприятия: «*ну я че-та не верррю в эта*» [Там же]. Подготовка к отъезду из Немира заставляет его вновь столкнуться с советской бюрократией: ему необходимо иметь все документы для пересечения границ, однако у него нет паспорта – Каммингс был вынужден оставить свой паспорт на столе регистрации в отеле «Метрополь». На протяжении всей поездки он переживает, что не получит его назад, ведь паспорт в «ЭЙМИ» – это больше, чем просто документ, – это единственное средство, с помощью которого можно покинуть советский ад и вернуться в Мир. Этот страх становится своего рода паранойей, мы видим частое упоминание паспорта в травелогге: «*чей бы паспорт безопасно мог быть, будь безопасен <...>*

теперь игрушка благополучности», «маленький паспорт моей жизни», «маленький паспорт исчез». Каммингс все же получает паспорт и билеты на поезд и пароход и чувствует «странное опьянение».

Уже вдалеке от Москвы, на поезде, он удивляется своему необычному путешествию: «...кто посетил места под землей (или с таким как некоего флорентийца грандиозным сном невозможно сравни) только мы; только те, кто потерпел крах от полушария этого мира, кто через Не безумно должны спускаясь пронзить сердечно ад, после всего, поприветствуем звезды» [Там же]. Обратим внимание на очередную аллюзию к испытаниям Данте в «Божественной комедии»: как некоего флорентийца грандиозным сном невозможно сравни. И так, мы видим, что Каммингс осознает, что путешествие оказалось неудачным, и его единственным желанием на протяжении всего визита в Немир был побег из него.

Увидев СССР своими глазами, Каммингс понял, что бытие в мире, где идеология предлагается как единственно правильное мировоззрение, невозможно. До своего путешествия в Россию Каммингс немного пренебрегал своей родиной, но после – у него появляется некоторое чувство патриотизма в отношении Новой Англии и Кэмбриджа (Массачусетс, США) [7]. Каммингс не только лучше понял свою западную, американскую культуру через созерцание другой, советской, он также увидел (не-)реализацию советского эксперимента, в который верили многие философы XX века, а на протяжении какого-то времени и он сам.

Однако в травелоге есть и положительные суждения о советской жизни. Так, Каммингс с одобрением отметил успехи России в установлении равноправия между мужчинами и женщинами. Он отмечает: советская женщина-социалист (в отличие от буржуазной сестры) без ограничений разделяет со всеми ее мужескими и женскими сотоварищами почетные обязанности и глубокие преимущества сознательного гражданина. Он также с удивлением замечает, что «когда приехал сюда из Польши, я был уверен, что русские рабочие работают по принуждению», но теперь он знает, что это не так – «клянусь – единственная сила, заставляющая их работать, это пропаганда» [2].

В заключении «ЭЙМИ» Каммингс обращается ко всем, кто живет (или лучше сказать, Неживет), отказывается «быть» в Немире:

– О, все не вы, <...> ничего-не-желающие что-угодно-принимаящие что-то-упускающие все-отрицающие, какого черта меня должно (уже уйдя от черта в аду) волновать что вы бездумаете кто вы неесть почему вы безмечтаете когда-где-зачем-угодно вы не живете (разрушимо вы несуществуете; тленно вы, крайне Даже неестественнейше Очень, никогдавечно гоголем) пресмыкаетесь <...>

– невозможно (вы Не можете) в этом беда ваша (в этом зло ваше) в этом ненависть ваша (горе ваше) стыд ваш <...> О бумажные любители

– что живо, скажем: что небеса что деревья для вас? и луны миры запахи звезды солнца цветы? они ничто (и Любовь, что Любовь для вас? ничто! вы не создатели; значит не можете Любить, а поскольку не можете Любить, вы бессоздательны)

: Я

(вскоре

буду)

живым

– Привет всем [Там же].

Таким образом, его прощальные слова полны отвращения ко всему не-существующему в советском Немире. Сам Каммингс не чувствовал, что живет в России, он предчувствует это ощущение: Я (вскоре буду) живым. Прорываясь через турецкое чистилище и въезжая во Францию, он снова попадает в Мир индивидуальности и творчества. Таким образом, ЕИМІ заканчивается глаголом «OPENS» (англ. открывает) в контрасте с «SHUT» (англ. закрыть). Так реализуется своеобразная кольцевая композиция антитез: Каммингс въезжает в советский ад и все закрывается, Каммингс выезжает из советского ада и все открывается – любовь, создание и воображение вновь становятся возможными:

«Голос

(Кто:

Любит;

Создает,

Воображает)

ОТВОРЯЕТ».

Таким образом, мы рассмотрели образный мир травелога «ЭЙМИ». Наиболее часто встречающиеся образы – это разнообразные воплощенные в действительности вариации смерти и небытия. Само небытие, вопреки всем философским постулатам, становится реальностью в советском аду, как и понятия ежепохожести, бесчисленности, нежизни и т.д. Каммингс познакомился и возненавидел многие аспекты жизни советского общества – политику, культуру (в том числе театр, цирк, литературу, музыку, национальную кухню), межличностные отношения, но во всех этих аспектах он увидел нечто общее – несвободу людей проявлять индивидуальность. Именно поэтому образный мир в «ЭЙМИ» носит отпечаток не-существования, непризнания: авторские неологизмы с приставками не-, бес-, без-, а также суффиксами -ость, -есть лишают советскую действительность каких-либо действительных характеристик, и зачастую эти неологизмы носят отрицательную коннотацию. Автор признает необходимость дальнейшего изучения произведения, а также всего творческого наследия Э. Э. Каммингса.

Список литературы

1. **Воронцова Т.** В гостях у «старшего брата» [Электронный ресурс] // Литература. М.: Первое сентября, 2003. № 9. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (дата обращения: 14.08.2014).
2. **Приключения нетоварища Кемминкса в Стране Советов: Э. Э. Каммингс и Россия** / сост., вступит. ст., пер. с англ. и комментарии В. Фещенко и Э. Райт; науч. ред. А. А. Россомахин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 256 с.
3. **Россия? Это болезнь такая?** [Электронный ресурс]. URL: <http://rusplt.ru/society/cummings.html> (дата обращения: 14.08.2014).
4. **Уланов А.** Решившийся быть [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/6/21u-pr.html> (дата обращения: 14.08.2014).
5. **Choudhury C.** Review: Cummings' Soviet Trip Basis of «Eimi» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sfgate.com/books/article/Review-Cummings-Soviet-trip-basis-of-Eimi-3234859.php> (дата обращения: 14.08.2014).
6. **Cummings E. E.** EIMI: A Journey Through Soviet Russia. Fourth edition. N. Y.: Liveright, 2007. 496 p.
7. **Dylan W. M.** Trains to Moscow: A Comparison of Lewis Carroll's Russian Journal and E. E. Cummings' Eimi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.graceguts.com/essays/trains-to-moscow-cummings-carroll> (дата обращения: 14.08.2014).
8. **Farley G. D.** Modernist Travel Writing: Intellectuals Abroad. Columbia: University of Missouri Press, 2010. 248 p.
9. **Friedman N. E. E.** Cummings: The Growth of a Writer (A Chicago Classic). Carbondale: Southern Illinois UP, 1964. 208 p.
10. **Kennedy R. S.** Dreams in the Mirror: A Biography of E. E. Cummings. 2 edition. N. Y.: Liveright, 1994. 544 p.
11. **Lyons E.** Assignment in Utopia / Eugene Lyons; with a new introduction by Ellen Frankel Paul. Reprint. Transaction Publishers, New Brunswick, NJ. Originally published: New York: Harcourt, Brace, 1937. 681 p.
12. **Moore M. A.** A Penguin in Moscow: Eimi, by E. E. Cummings // Poetry. 1933. № 42. 1933. P. 277-281.
13. **Recognition of the Soviet Union (Milestones – Office of the Historian)** [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/milestones/1921-1936/ussr> (дата обращения: 14.08.2014).
14. **Sample C. K. III.** Egotist EIMI: Cummings' Russian Experience: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sampletheweb.com/thesis/EgotistEIMI.pdf> (дата обращения: 14.08.2014).

**IMAGINATIVE WORLD OF NONEXISTENCE
IN TRAVELOGUE ABOUT SOVIET RUSSIA “EIMI” BY E. E. CUMMINGS**

Pokazan'eva Inna Vladimirovna
Saint Petersburg State University
inna_pokazanyeva@yahoo.com

The article considers the imaginative analysis of novelized travelogue “EIMI” by E. E. Cummings in the context of the social-political and cultural relations between Soviet Russia and the USA in the first half of the XX century. Particular attention is paid to the identification and analysis of the images of death and nonexistence as the lack of features that dominate in the travelogue due to the author's anti-Soviet sentiments. The topicality of the study is determined by the general neglecting of “EIMI” by E. E. Cummings in the Russian and international literary criticism.

Key words and phrases: literary criticism; travelogue; artistic image; imaginative world; Russia; the USA.

УДК 81.119

Филологические науки

Рассматривается паратекст прозаического романа «Historia von Johann D. Fausten <...>» как релевантный объект для изучения коммуникативно-прагматических особенностей художественной коммуникации в Германии XV-XVI вв. На основе анализа средств текстового воплощения автора (субъекта речи) и изображения потенциального читателя (адресата) выявляются формы субъектно-адресатных отношений. Анализ иллюкативной силы высказываний позволил установить прагматический фокус текстов.

Ключевые слова и фразы: ранний немецкий прозаический роман; паратекст; субъектно-адресатные отношения; иллюкативная сила высказывания; прагматический фокус.

Понамарева Надежда Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
nadezda_ponamareva@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАТЕКСТА
В ПРОЗАИЧЕСКОМ РОМАНЕ «HISTORIA VON JOHANN D. FAUSTEN <...>»
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГЛАВИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ И ПРЕДИСЛОВИЯ)©**

Развитие с конца XIV в. в Германии жанра прозаического романа было стимулировано появлением нового читателя – представителя третьего сословия (прежде всего имеется в виду городская патрициат и цеховая верхушка), что объясняется активным ростом в это время городов и духовной эмансипацией городского